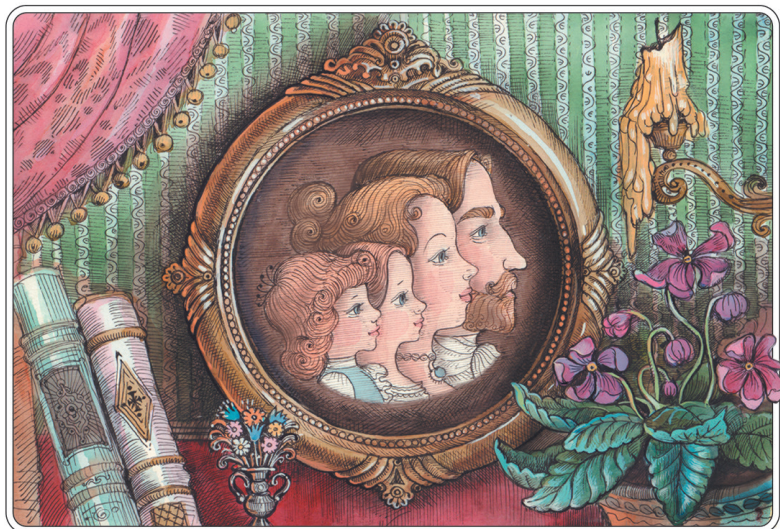

The background of the entire image is a vibrant sunset sky, transitioning from a deep blue at the top to a bright orange and red near the horizon. In the foreground, a detailed illustration of a town is shown from a high-angle perspective. The town features numerous buildings with red-tiled roofs, some with gabled roofs and small windows. A prominent stone archway spans across a street. In the distance, a body of water is visible with several sailboats and a small castle or tower on the left. The overall style is reminiscent of a classic children's book illustration.

**КНИГА
ПЕРВАЯ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЖИЛЬ И АННА

Однажды, давным-давно, двое детей лежали вечером в постелях у себя на чердаке. Снизу доносились голоса и позвякивание столовых приборов, и мальчик с девочкой, как всегда, гадали, кого родители пригласили в гости на сей раз. Почти всех папиных и маминых друзей они знали в лицо и по имени, но самим им пока что не дозволялось сидеть за столом с большими — разве что по праздникам, на Рождество или в день рождения. Ведь в те давние времена детей держали в строгости, не то что сейчас.

Мальчика звали Жиль, а девочку — Анна, и были они близнецами девяти лет. Сюда, на чердак, доносился звон колокольчика, которым папа вызывал горничную, чтобы та принесла следующее блюдо. Как занятно было лежать в постели и по лакомым запахам, звяканью бокалов, приборов и фарфора угадывать, чем именно потчуют гостей.

— Уже подали сладкое, — прошептала Анна. — Жиль, ты разве не слышал, как хлопнула дверца духовки?

— Тихо ты! — цыкнул на нее брат. — Не шуми, у нас же дверь открыта, и вообще. Большие думают, мы спим. Нет, сладкое уже доели. Я слышу, как папа колет орешки — или это старый ворчун, доктор Сеймур. Его голос ни с чьим не перепутаешь. И потом, мама еще раньше говорила, мол, он вроде придет на ужин.

— А какой день длинный! Еще только закат, — прошептала Анна. — Попробуй тут усни, даже если велели, когда солнце всю светит в окно.

— И жара ужасная! — возмутился Жиль, отбросив одеяло. — Как хочешь, а я открою второе окно. Очень уж ночь теплая.

Мальчик тихонько выкарабкался из постели, прокрался к слуховому окошку, отодвинул защелку и распахнул его настежь. Потом выглянул на улицу. Ни души. Городские часы пробили половину седьмого. На черепичной крыше дома напротив в алых лучах закатного солнца лениво потягивался черный кот.

— Анна, а Анна? — прошептал Жиль. — Поди-ка сюда, только тихо.

— Что там такое? — спросила у него сестра. Она тише мышки выскользнула из кровати и на цыпочках подбежала к брату.

— Яблочница, — ответил Жиль. — Ты разве не слышишь? Она там, дальше по улице, за углом. Вот-вот покажется.

— Ничего не слышу, — ответила девочка. — Только как внизу орешки колют. Вот бы сейчас орехов... А то они там щелкают, жуют, а мне от этого есть хочется.

— Чш-ш, замолчи, — прервал ее брат, — тогда услышишь. Говорю тебе, это Яблочница. Она далеко, но ее уже слышно. «Яблочки, наливные яблочки, кому наливных яблочек», — она всегда выкликает одно и то же.

— Яблочница... — эхом отозвалась девочка. — Вот интересно, почему взрослые ее терпеть не могут, а? Ты не знаешь? Я никак не пойму.

— Тьфу, да они сами себя не понимают, — воскликнул Жиль. — И ее они не понимают, зуб даю. Люди так устроены: если они чего не понимают, то на всякий случай опасаются — ну разве что настоящие храбрецы ничего и никого не боятся. Меня-то Яблочница вот нисколечко не пугает — правда, я с ней и не разговаривал никогда. «Ведьма-карга» — это же надо так обозвать! А ты заметила, что бранят только взрослые? А дети всегда называют просто «Агнесс-Яблочница». Ни за что не поверю, будто она сделала в жизни хоть одно дурное дело, пусть она и уродина.

— «Ведьма-карга», — пробормотала Анна. — И правда, некрасиво так обзывать. На кого угодно. Но ведь она чудная, Жиль. Знаешь, что про нее говорит Мэри Сеймур? Говорит, будто Яблочница — ясновидящая.

— Это как?

— Она умеет читать мысли — ну, Мэри так говорит. Яблочница запросто скажет тебе, о чем ты думаешь, даже если ты ни словечка не вымолвил.

— Не верится, — ответил Жиль. — Может, она просто ловко угадывает?

— Но если она все время угадывает и не ошибается, это все равно что читать мысли. Скажешь, нет? — возразила ему сестра.

— Гм! — буркнул Жиль. — Посмотрел бы я, как у нее это получается. У меня в голове за один день столько мыслей пробегает — пусть попробует угадать какие.

— Слышишь, она уже близко, подходит к дому, — прошептала Анна. — Совсем рядом. Ох! Они там внизу так болтают и брякают, хоть бы притихли на минуточку!

— Хорошо бы, но ведь мы все равно с минуты на минуту ее увидим, — сказал Жиль. — Ой, Анна, ты только погляди на кота!

Кот, который нежился на соседней крыше в лучах закатного солнца, и впрямь начал чудить: носился дикими скачками туда и сюда, и за ним по черепичной крыше еще причудливее носилась и скакала его длинная плоская тень.

— Кот видит Яблочницу, — шепотом сказала Анна. — Ему с крыши видно, а нам отсюда нет. Жиль, давай ляжем в постель, а? Мне страшно. Я боюсь, что Агнесс увидит нас в окошко. Вдруг взрослые правы? Вдруг она и в самом деле ведьма?

ГЛАВА ВТОРАЯ ВЕДЬМА-КАРГА

С минуту Жиль молчал. Он замер у окошка и напряженно всматривался в уличную даль. Между тем черный кот на крыше все метался да скакал, словно обезумев, и чем ближе подходила торговка яблоками, тем больше кошачьи прыжки напоминали дикий танец. Напевный голос торговки раздавался все отчетливее: «Яблочки, наливные яблочки, кому наливных яблочек?»

И вот наконец брат с сестрой увидели торговку. Внизу, в столовой, все так же щелкали орешки и болтали взрослые. А дети умолкли. Ведь разглядеть Яблочницу было важнее любых разговоров.

Лицо у нее было длинное, сморщенное, мудрое, но вовсе не злое. Торговка мерно и сильно толкала перед собой тележку с товаром, то и дело останавливалась, прикладывала руку ко рту и выкрикала: «Яблочки!»

— Нет, не верю я, — повторил Жиль. — Мысли читает, скажут тоже! Если уж она умеет читать мысли, почему не все это могут? Если я суну голову под подушку, ты разгадаешь, о чем я думаю?

— Конечно, нет, — прошептала Анна. — Но Мэри Сеймур сказала так: Агнесс всего и надо, что поглядеть тебе в глаза, и она узнает все твои мысли.

«Яблочки, наливные яблочки, кому наливных яблочек!» — голос старухи звучал все ближе, все громче. Она шла по улице, глядя прямо перед собой, не поворачивая голову ни влево, ни вправо. Но вот Яблочница остановилась под окном — словно притомилась выкрикнуть свой товар на безлюдной улице.

Анна вытянула шею и высунула нос из окна.

— Ой, Жиль, какие чудесные яблоки! А я есть хочу.

Жиль причмокнул губами и проворчал:

— Особенно вон то, здоровенное, красное, на самом краешке тележки. Я бы его и купил, а ты? Ох, есть хочется.

Тут Яблочница, до того смотревшая прямо перед собой, внезапно подняла голову и глянула на детей. И ее лицо, таинственное, морщинистое и древнее, вдруг озарилось доброй и светлой улыбкой. Не отводя глаз, она нащупала в своей тележке румяное яблоко, а потом ловким броском запустила его напрямиком

в слуховое окошко, да так метко, что яблоко мягко упало прямо в руки Жилю.

— То самое! — прошептал мальчик. — Красное, которое я и хотел!

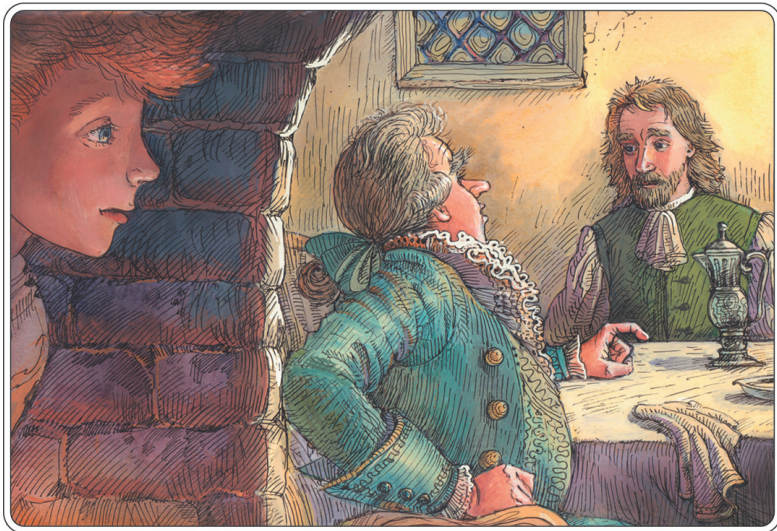
— Яблочки, наливные яблочки, кому наливных яблочек! — И Яблочница вместе со своей тележкой двинулась дальше.

Тем временем черный кот пропал с крыши, а когда Агнесс-Яблочница скрылась за углом, дети увидели, что кот бежит за ней следом.

«Яблочки, наливные яблочки, кому наливных яблочек!» — затихал вдали голос торговки.

— Вот видишь, Жиль! — Анна, побледнев от волнения, указала брату на румяное яблоко, лежавшее у того в ладонях. — Она выбрала то самое яблоко, которое ты так хотел — ты про него думал и мысленно уже хрустел им. А услышать, как ты про него шептал, она никак не могла. Если уж это не называется читать мысли, тогда что? Теперь ты мне веришь?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ХРОМОНОЖКА ЛЮК

Яблоко поделили поровну и съели. Время перевалило за полночь, а дети все еще не спали. В гостиной что-то неразборчиво бубнил доктор Сеймур. А Жиль горячим шепотом препирался с сестрой: нет, твердил он, история с яблоком — просто-напросто счастливое совпадение. Анна твердо стояла на своем: нет, история с яблоком — самое что ни на есть настоящее чтение мыслей.

Немудрено, что наутро брат и сестра вышли к завтраку заспанными. Но дети опередили папу и маму, а когда появился папа, Жиль мигом приметил, что

он чем-то не на шутку встревожен. Заволновалась и Анна. Однако в те времена считалось: детей должно быть видно, но не слышно, а потому она не осмелилась подать голос. Позавтракав, дети вышли в сад.

— Жиль, что с папой такое, как думаешь? — спросила Анна, когда они забрались подальше от дома.

— Сам не пойму, — ответил мальчик. — Но когда ты вчера уснула, я тишком спустился на несколько ступенек по лестнице и кое-что услышал. Похоже, папа задолжал доктору Сеймуру и другим денег, и немало. Я-то думал, у папы денег полным-полно, а он, оказывается, брал в долг у доктора, и тот теперь требует долг вернуть.

— А много там?

— Да, — мрачно сказал Жиль. — Я так понял, гораздо больше, чем папа в состоянии заплатить прямо сейчас. А доктор Сеймур напустился на него очень грубо. Велел вернуть долг за неделю, не больше, — ему, мол, самому по счетам платить надо. А потом они долго препирались, и папа все говорил, что так быстро ему денег не найти, а доктор знает твердит: «Мне нужны деньги, мне нужны деньги», — только что не кричит. Похоже, от денег одни неприятности. Лучше бы люди научились совсем обходиться без них.

— Ой-ой-ой, — задумчиво протянула Анна. — Кто бы мог помочь? Может, Агнесс-Яблочница? Жиль, давай поведем ее и спросим совета?

— Что ты такое городишь, Анна! Взрослые закатят нам взбучку. Ты забыла, они ведь называют ее ведьмой. И чем она нам поможет?

— Кто знает? — сказала Анна. — Ты сам говорил, что веришь старухе. И я почему-то тоже начинаю ей верить. Хотя и не знаю почему. Может, потому что у нее добрая улыбка или потому что животные ходят